

**Л.А. БОБРОВ, Ю.С. ХУДЯКОВ О РОЛИ ЯКУТСКОГО ОРУЖЕЙНОГО
КОМПЛЕКСА В ЭВОЛЮЦИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА РУССКИХ
ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ XVII В.**

В Южной Сибири русские землепроходцы активно покупали, захватывали и выменивали оружие, изготовленное южно-сибирскими и центрально-азиатскими мастерами. Русские служилые люди приобретали у шорцев, енисейских кыргызов и бурят панцири, шлемы, наручи, древковое и клинковое оружие, а также луки и стрелы. Особенно высоко ценились панцири («куяки»), выполненные степными оружейниками. Уже в 1622 г. царское правительство рекомендовало воеводам брать ясак с местного населения «шеломами, и рогатинами, и саблями». Приобретенные предметы вооружения хранились в арсеналах и накануне боевых действий выдавались служилым людям. На продаже панцирей можно было неплохо заработать, поэтому к походам «за куюками» охотно призывали служилые люди, официально не включенные в состав экспедиционных отрядов. После захвата панцирей за право обладать ими вспыхивали настоящие схватки. Интересно, что, делая выбор между традиционной кольчугой и пластинчато-нашивным панцирем местного производства, русские переселенцы нередко останавливались на последнем. По наблюдениям путешественников, красноярские служилые отдавали предпочтение пластинчатому доспеху, так как его «легче носить» [Бобров, Худяков, 2005, с. 270].

В последней четверти XVII в. московское правительство попыталось взять торговлю сибирскими панцирями под свой контроль. 14 марта 1675 г. вышла специальная тайная «Царская грамота», в которой наряду с запретом продавать и «променивать» степнякам «порох, свинец, пищали и всякого рода оружие» сибирским властям вменялось в обязанность покупать «в нашу Государеву каз-

Стр.187

ну» у местного населения предметы защитного вооружения. Деньги на покупку доспехов должны были быть выделены из доходов сибирской администрации. Розничная торговля доспехами категорически запрещалась: «...и присылать те пансыри к нам Великому Государю, чтобы однолично никто, мимо нашей Великого Государя казны, пансырей не продавали и к Руси не вывозили». Вероятно, новые постановления с трудом внедрялись на местах, так как в грамоте от 14 июля 1675 г. особо оговаривались наказания, которым должны были подвергаться «частные лица», нарушавшие запрет на торговлю доспехами: «...а будет кто мимо нашей Великого Государя казны пансыри продавать и покупать учнут, и тем людям за то от нас Великого Государя быть в опале и в разоренье, безо всякой пощады...». В том же указе перед верхотурским воеводой Федором Григорьевичем Хрущевым ставилась задача приобрести и

переслать в Москву сто «самых добрых» панцирей, изготовленных на территории Верхотурья. Незадолго до этого такое же поручение давалось служилым Тобольска и Томска. Московское правительство требовало от сибирской администрации строжайшего учета выкупленных у аборигенов предметов защитного вооружения: «...а сколько пансырей, и почему ценою, и у кого куплено будет, о том писали б и пансыри присылали к нам Великому Государю, а отписки велели подавать и пансыри объявлять в Сибирском Приказе околничьему нашему Родиону Матвеевичу Стрешневу да дьякам нашим Григорью Порошину, да Перфилью Оловеникову» [Акты..., 1842, с. 541-542, 559-560].

К моменту появления русских в Восточной Сибири самым развитым оружейным комплексом в регионе обладали якуты. Позднесредневековый комплекс якутского вооружения являлся результатом симбиоза военных традиций кочевников Южной Сибири и таежных охотников. От первых позднесредневековые якуты унаследовали клепаные сфероконические шлемы, пластинчато-нашивные панцири «куях», конские доспехи, втульчатые копья, сложносоставные луки «центрально-азиатского типа»; от вторых — некоторые виды пальм, черешковых копий, луков и стрел. В результате взаимодействия пришлых и местных военных традиций среди якутов распространились оригинальные виды клинкового и древкового оружия: расширяющиеся в центре клинка палаши и сабли кылыс, батас — пальмы с длинным, узким, часто слабоизогнутым клинком, копья с ланцетовидным пером и т.д. В отличие от большинства своих таежных соседей якуты (как и их кочевые современники в Южной Сибири и Центральной Азии) практиковали атаку в конном строю, в ходе которой они «напускались» на врага «с копья и с пальмами». Так, в 1634 г. на отряд русских служилых обрушилась многочисленная якутская конница. Якуты сначала обстреляли противника из луков, а потом бросились врукопашную: «...учали стрелять и напушатца великими конскими напуски с копья и с пальмы» и в конце концов сбили русских с позиций [Якутия..., 1953, с. 84]. Изделия якутских оружейников активно покупались их соседями. Так, известно, что тунгусы закупали у якутов металлические панцири [Там же, с. 209-210; ДАИ, 1862, с. 158]. Уже вскоре после своего прихода в Восточную Сибирь русские служилые люди высоко оценили предметы вооружения, выполненные местными мастерами. Воевода Василий Пушкин, приехавший в Якутский край в 1646 г., доносил в Москву, что «у иноземцев якутов железо есть самое доброе, а плавят, государь, они то железо на камень не по многу, не на большое дело... на свои

Стр.188

якуцкие... вместо сабель делают пальмы и ножи». По мнению русских кузнецов, «...ныне-де то железо против лутчего неметцкого железа» [Троев, 1972, с. 108]. Письменные источники зафиксировали факты использования служилыми якутского холодного оружия. Наряду с копьями казаки активно применяли «пики, пальмы, аткасы» местного производства [История

казачества..., 1995, с. 64; Смирнов, 1994, с. 107], а также луки и стрелы. В эффективности якутского оружия служилые смогли убедиться в ходе столкновений с отрядами якутских тойонов, которые оказались «людны и доспешны и воисты...». Впоследствии якутские воины, включенные в состав русских экспедиций, не раз выручали в бою своих новых союзников. Так, в ходе сражения отряда Стадухина (в котором в тот момент находился и Семен Дежнев) с многочисленным ополчением ламутов в 1641 г. русские смогли отбиться «только благодаря помощи ясачных якутов», которые, по словам Дежнева, «за нас стояли и по ним из луков стреляли» [Якутия..., 1953, с. 55].

Самым востребованным элементом якутского вооружения у русских служилых людей (как и в Южной Сибири) оказались пластинчато-нашивные панцири «куях» («хатырык куйах»). Изымая панцири у местного населения, русская администрация решала две тесно увязанные между собой задачи: обеспечение служилых людей надежным защитным вооружением и разоружение аборигенов. Нехватка кольчуг русского производства и южно-сибирских панцирей заставляла казаков устраивать настоящие «охоты за куяками». Вплоть до конца XVII в. служилые под любыми предлогами стремились изъять понравившиеся им якутские доспехи, даже если это могло повлечь за собой напряженность в отношениях (в XVII в. пластинчато-нашивными панцирями у якутов владели в основном достаточно зажиточные «добрые мужики», пользовавшиеся влиянием в якутских родах). Так, в отписке воеводы Барнешлева (1675 г.) особо отмечается, что разосланные в якутские поселения казаки «для твоих государевых служб у якутов в твою, великого государя, казну служилым людям куяки емлют» [Якутия..., 1953, с. 83]. В 1678 г. воевода Фома Бибилов изъясил у подгородных якутов 60 лошадей и куяков, снабдив ими отряд служилых людей, призванный снять осаду с Охотского острожка [ДАИ, 1862, с. 158]. Только за один поход в 1639 г. енисейские служилые люди во главе с Парфеном Ходыревым собрали с якутов ПО куяков. В 1642 г. намский князец Ника Мымахов предоставил в распоряжение служилых людей «на несолушных якутов в бою ездить 70 лошадей с родом своим да 50 куяхов» [Константинов, 1971, с. 90]. Якутские панцири активно продавались и покупались в среде русских служилых. Как и в Южной Сибири, торговля куяками была прибыльным делом. Обычный пластинчато-нашивной панцирь стоил 5 рублей, что соответствовало стоимости коня [Новгородов, 1955, с. 159]. Элитные доспехи были гораздо дороже, что нашло свое отражение в фольклорных произведениях. Предводитель баягантайцев Бахсыгыр якобы согласился отдать за элитный доспех 240 коней. Даже сами аборигены не гнушались вымогать панцири у своих сородичей. В 1692 г. на суде выяснилось, что якутский тойон Кайнас насильно «имал» у местных «князцов» и «добрых мужиков» два, а в дальнейшем еще три куяка [Якутия..., 1953, с. 84]. При этом продажа панцирей третьей стороне без предварительного согласования с местной администрацией не поощрялась и считалась

«изменным делом». В 1660 г. русские служилые люди продали тунгусам кольчатый «пансырь», чем вызвали явное недовольство своих товарищей по оружию,

Стр.189

потребовавших разбирательства данного факта. Казаки оправдывались тем, что купившие «пансырь» «ясашные тунгусы» планировали применить его в войне против «неясашных тунгусов с хрепта» [Семенов, 1973, с. 116]. Казаки «начали шуметь», поскольку продавший за 40 соболей «пансырь» Андрей Щербаков был вынужден расторгнуть договор с аборигенами, и «тот пансырь взял назад» [Новгородов, 1955, с. 223]. Исключения делались для юкагиров, которые кроме «железа и одекую, иных товаров никаких не покупают». Но даже в этом случае таежным жителям продавали не целые доспехи, а отдельные панцирные пластины. Так, в 1640 г. к юкагирам из Якутска были посланы два куяка, которые были затем разобраны на «доски куяшные» (т.е. пластины) и проданы поштучно юкагирам. Еще один куяк для этой же цели был передан енисейскому десятнику Федору Милованову [Открытия..., 1951, с. 101-102]. Возвращение изъятых ранее куяков являлось поощрением за заслуги перед Российским государством. Так, в 60-х гг. XVII в. «ясачному» якутскому вождю Тимирейко в награду за помощь в борьбе против тунгусов вместе с отпущенным на свободу сыном и государевым жалованием возвращались ранее конфискованные «куяхи»: «...и якутские куяки им якутам у ково что взято отдать тотчас и вперед у якутов куяков (чтобы. — Л. Б., Ю. Х.) не имали» [Степанов, 1937, с. 224]. Однако несмотря на обещание перестать отнимать у аборигенов их панцири, русская администрация продолжала изымать их для собственных военных нужд.

К сожалению, несмотря на неоднократные находки пластин от якутских «куяхов», пока не предприняты попытки реконструировать основные типы покроя этих панцирей. Судя по имеющимся описаниям найденных панцирных пластин и дошедшим до нас экземплярам, у якутов преобладали панцири с пластинчато-нашивной системой бронирования. В якутском языке и в XVIII-XIX вв. слово «куях» четко ассоциировалось с «кожаной броней с нашитыми на ней железными пластинами» [Словарь..., 1916, с. 1199]. В якутском фольклоре панцирные пластины нашиваются на «подкладку из бычьей или лосиной кожи». В 1894 г. якут Наум Лыткин обнаружил «куях», состоявший из 147 пластин трех разных размеров, по форме четырехугольных и продолговатых, «похожих на игральные карты». Пластины «имели по углам отверстия, через которые, очевидно, и были нашиты на ровдугу» [Березкин, 1955, с. 182]. Есть предположение, что этот «куях» принадлежал родоначальнику оспетцев Суор Бугдуку. В том же документе упоминается о другом «куяхе», который состоял из таких же пластинок и, по словам якута Прокопия Афанасьева из - Колымского округа, представлял собой якутскую шубу из лосиной ровдуги («тунэ»), на которую и были нашиты панцирные пластины. Согласно описанию, крупные пластины располагались на груди и спине, а мелкие — по бокам «так,

чтобы не мешать свободному движению». Полы панцирной шубы достигали колен. В 1923 г. (по другим сведениям летом 1912 г.) в местности Батымаайы в 24 км от оз. Мюрю были найдены «куях», состоявший примерно из 200 прямоугольных железных пластин, и пара якутских шлемов. В 1937 г. местная жительница наткнулась в Усть-Алданском районе на «кучу железных пластинок треугольной формы, с отверстиями по углам». Считается, что этот «куях» принадлежал предку чериктейцев Лага Батыру. В поселении Сырдак А.И. Гоголев обнаружил железную пластину с вырезным верхним краем и отверстиями для заклепок. В 1978 г. в местности Бэтирики Мегино-Кангаласского района во время шурфовки предполагаемого поселения была найдена выгнутая трапецие-

Стр.190

видная пластина, украшенная орнаментом [Гоголев, 1990, с. 106-107, рис. 21, с. 143, табл. XVIII, рис. 3]. К сожалению, большая часть вышеописанных находок [Новгородов, 1955, с. 159-161; Константинов, 1971, с. 110-111; Троев, 1972, с. 108] впоследствии была утеряна. Сохранились лишь фотографии пластин и шлемов из Усть-Алданского района и пластины, обнаруженные А.И. Гоголевым. Судя по ним, якутские панцирные пластины и система их соединения между собой и с органической основой мало отличались от южно-сибирских и центрально-азиатских аналогов. Для реконструкции покроя якутских позднесредневековых панцирей весьма важны упоминания об их идентичности верхней якутской одежде. В материалах историко-этнографических исследований, посвященных истории якутского костюма XVII — начала XVIII в., указывается, что якутские шубы этого периода могли иметь короткие (чуть выше локтя) или длинные (до кистей) рукава и подол до колен или чуть ниже [Гаврильева, 1998, с. 108, рис. IX-1, с. 110, рис. XI], а также косой запах или осевой разрез. Поверхность шуб украшалась бисером, бусами, металлическими бляшками и декоративными подвесками [Там же, с. 38], подол, рукава и разрезы снабжались меховой оторочкой, так что панцирный якутский «куях» из лосиной ровдуги, подбитый металлическими пластинами, вероятно, был не только надежен, но и красиво оформлен. В описях также встречается «ламуцкий односторонний куяк» [Якутия..., 1953, с. 210], вероятно представлявший собою нагрудную часть двухстворчатой кирасы, закрепленной на корпусе с помощью наплечных и наспинных ремней. Помимо металлических «хатырык куяхов» в якутских преданиях упоминаются панцири, изготовленные из ольхи («тирэх куйах»), а также щиты «хары куйаха» (дословно: щиты для прикрытия локтевой кости) [Эргис, 1960, с. 121, 286; Константинов, 1971, с. 111]. Согласно якутским преданиям, «панцири из ольхи» и щиты носили «слабые люди», в то время как «сильные люди» использовали «железный чешуеобразный панцирь» [Эргис, 1960, с. 121]. Панцири, сплетенные из прутьев, зафиксированы в ходе раскопок позднесредневековых погребений Алтая [Древние культуры..., 1994, с. 127]. Наряду с железными и прутьяными

панцирями якуты использовали и кожаные доспехи, изготовленные из двух слоев сшитой или склеенной хребтовой части шкуры лося или быка, волосяной покров которого смазывался лиственничной смолой, «круто перемешанной с песком» [Васильев, 1995, с. 111]. В период развитого и позднего Средневековья панцири, изготовленные из кожи и простеганной ткани, широко применялись кочевниками Центральной Азии [Бобров, Худяков, 2003а].

© Л.А. Бобров, Ю.С. Худяков, 2006